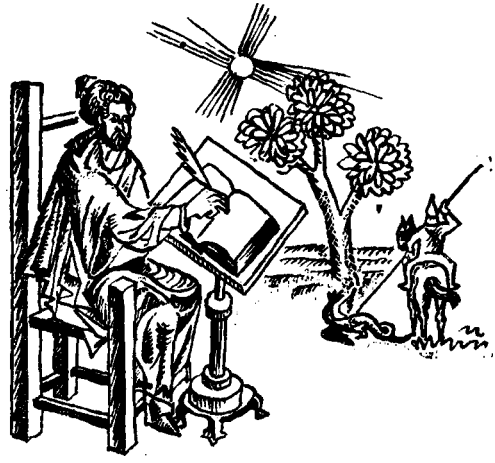

Растекаться мыслью по древу

Когда человек много и витиевато рассуждает, то о нем часто говорят: «растекается мыслью по древу». Многие знают, что это выражение, ставшее ходячим, взято из замечательного произведения Древней Руси XII века «Слова о полку Игореве». Этими словами неизвестный автор «Слова» характеризует творческую манеру своего предшественника, «вещего» певца Бояна: «Боянъ бо вѣщіи, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы». Что же имел в виду автор памятника, когда писал о Бояне: «растѣкашется мыслію по древу»? По поводу смысла загадочного оборота со времени открытия «Слова о полку Игореве» ведутся споры среди исследователей и переводчиков, споры, которые не утихают и в наши дни.

Начнем с объяснения значений каждого слова в отдельности, чтобы потом перейти к смыслу всего выражения.

Растѣкашется. Глагол *течь* ныне связывается в прямом значении с жидкостями или веществами, имеющими их свойства. Но еще совсем недавно, в поэзии XIX века, этот глагол употреблялся и в значении 'идти, двигаться вообще'. Так, например, у Пушкина читаем:

Ретивы кони бранью пышут.
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет,
Все местью, славой дышут.

В древнерусском языке глагол *течи* был по смыслу гораздо шире. Он означал не только движение жидкостей и т. п. веществ, но и несколько основных видов движения: передвигаться, идти, бежать, ехать, плыть, лететь. Почти в том же смысле употреблялось слово *растекатися:* оно означало те же виды движения в разных направлениях. Глагол *растѣкатися* встречается в древнерусских памятниках очень редко, как, впрочем, многие из приставочных глаголов. В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского он фиксируется лишь дважды: в рассматриваемом здесь выражении «Слова о полку Игореве» и в значении 'разливаться, выходить из берегов': «Уже рѣкы ростѣкаються» (Ипатьевская летопись, под 1282 г.).

В церковно-юридическом памятнике XIII века «Рязанской кормчей» есть такое выражение: «умъ ... отъ чувъстъвъ же въ миръ растекается». Полностью все материалы по этому слову будут даны в 5-м выпуске «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве"», публикуемого сейчас издательством «Наука» (вышло из печати 3 выпуска).

Мыслію. Мысль выступает здесь в значении 'творческое воображение, творческая фантазия'. В 3-м выпуске упомянутого «Словаря-справочника» (1969) это значение иллюстрировано 13 примерами из разных произведений древнерусской литературы XI—XIV веков; вот некоторые из них, наиболее близкие по стилю к интересующему нас выражению: «Бых мыслию паря, аки орелъ по воздуху» (Слово Даниила Заточника. XII в., список начала XVIII в.); «Если то образъ сиць его есть чюденъ, то колма паче иже свѣтовъную сию доброту видеть, достоини суть дивити се и къ творьцу свѣтовноому мыслию възлетѣти и поклонитися ему и прославити и, им же сицу тварь есть добру створилъ» (Шестоднев Иоанна экзарха

Болгарского, 1263); «Ибо яко вретище обетщало, ходя на нѣчье душу свою, иступаю от паки умомъ своим, ползая мыслию, яко змия по камению, не вѣдыи стяжания спасеннаго, ни стяжав крилу покаяния» (Послание Даниила Заточника. XIII в., список XVII в.); «Величавыи позна свое естьство, иже вещью бесьмьрьтѣнъ высокомыслье мниться веченъ, мыслью паря аки орелъ» (Пролог, 1383). Таким образом, здесь налицо сравнения аналогичные или почти аналогичные тому, которое мы встречаем в «Слове о полку Игореве».

Древу. Древо — неполногласный вариант от *дерево* (ср.: град — город, вран — ворон, врата — ворота), употребленный в самом прямом смысле 'дерево (на корню)'.

Таково отдельное значение каждого слова в выражении *растѣкашется мыслію по древу.*

А в целом это выражение образно, метафорично, и служит первым компонентом так называемого «параллелизма». Этот «параллелизм» до сих пор остается предметом сложных разысканий многочисленной армии исследователей, переводчиков и просто поклонников «Слова о полку Игореве». В 1833 году в журнале «Московский телеграф» Н. П. Полевой писал: «Думаю, что здесь разумеется отнюдь не мысль, а что-нибудь другое ... не зверок ли, не птичка ли какая, ибо тут видимая постепенность сравнений — облака, земля, дерево — орел, волк — мысль?». «Догадку» Полевого, основанную на соответствии одного из членов «параллелизма», подхватил Карелкин: «Мы случайно узнали, что есть такой зверок, который именно бегает по деревьям — не мышь, а мысь. В Псковской губернии Опочецком уезде [ныне Опочецкий район Великолукской области] мысью называют белку или векшу». Видимо, с легкой руки Карелкина *мысь* попала в Словарь Даля. К мнению, что *мыслію* следует читать как *мысію,* присоединились некоторые советские исследователи и переводчики: И. А. Новиков, Н. М. Егоров, Н. В. Шарлемань, В. В. Мавродин. Каждый из них предлагает видеть в этом слове свой особый зоологический вид зверька (белку-векшу, летягу, соню).

По поводу всего этого можно сказать только то, что в памятниках Древней Руси слово *мысь* в данных значениях не встречается, нет его и в ленинградской картотеке Псковского областного словаря. Очевидно, обычное слово *мышь* в диалектном звучании *мысь* (мена *ш* — *с* — одна из древнейших фонетических черт псковских говоров, до-

шедшая до наших дней) было принято Карелкиным за новое слово, означающее особого лесного зверька.

Если Е. В. Барсов в фундаментальном труде по «Слову о полку Игореве» выбрал компромиссное чтение *мыслію — мысію,* то другая, более многочисленная группа толкователей памятника предпочла оставить слово *мысль* без изменений. Однако все же их мучило непонятное на первый взгляд соединение «мысли» с «древом». Поэтому они стремились выяснить вопрос, что же это за «древо»? Многим казалось, что тут, конечно, не обычное дерево — ведь иначе как же по нему Боян мог растекаться мыслью?

Появился ряд очень сложных разысканий, в которых была затронута история средневековой мировой литературы и устного народного творчества. Дело осложнялось еще тем, что несколькими строками ниже в «Слове о полку Игореве» мы снова встречаем почти тот же метафорический образ Бояна — соловья, скачущего по «мыслену древу»: «О Бояне, соловію стараго времени! а бы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу ...».

Некоторые толкователи пытались связать «мысленное древо» с библейским древом познания добра и зла. Поэт А. Н. Майков, например, связывал «древо» со скандинавским эпосом (Эдда) и толковал его как мифическое дерево, росшее в царстве богов корнями вниз. И. И. Вяземский объяснял его как древо жизни, древо человеческого рода. Д. В. Айналов, опираясь на библейское древо познания, склонялся к тому, что это древо мысли, мудрости. В. Ф. Ржига, исходя из поэзии средневековых скандинавских скальдов, видел в «мысленном древе» «Слова о полку Игореве» древо песен, поэзии. В последние десятилетия некоторые исследователи (Н. А. Мещерский, Н. В. Шарлемань) вспомнили предположение М. Г. Халанского, высказанное им в 1894 году, что *древом — мысленым древом* — в «Слове» назван музыкальный инструмент, гусли, на которых играл Боян. Н. В. Шарлемань, правда, склонен предполагать здесь не гусли, а лютню, впоследствии превратившуюся в бандуру или кобзу. Таковы основные предположения по поводу «мысленного древа» «Слова о полку Игореве».

Думается, что дело обстоит значительно проще. *Древо* «Слова о полку Игореве» как в первом, так и во втором случае — это, по-видимому, обычное дерево, но представляемое в воображении, в мыслях. *Мысленным* оно было

названо автором для подчеркивания метафоричности образа. Такое значение подтверждают материалы древнерусских памятников. Предметы и явления, названные в памятниках *мысленными,* самые разнообразные: зверь, рай, секира, волк, свет, буря, земля, фараон и т. д. К сожалению, *древо* в сочетании со словом *мысленный* пока обнаружить в древнерусских памятниках не удалось, но ведь учеными обследовано из огромного числа рукописей еще довольно малое количество. Возможно, со временем этот пробел будет заполнен, как это было со многими другими.

Вернемся снова к выражению *растѣкашется мыслію по древу* в целом. Его надо, видимо, понимать так: Боян растекался своим творческим воображением, как соловей по дереву, как серый волк по земле, как сизый орел под облаками. Никакой кажущейся несообразности здесь нет: соловей — волк — орел, дерево — земля — небо (под облаками). Автор «Слова о полку Игореве» создавал первый компонент образа, имея в виду сравнение Бояна с соловьем, что доказывает обращение его к Бояну несколькими строками ниже. Почему же автор «забыл» назвать его соловьем в первом случае? Здесь можно высказать два предположения: или это не вызывалось необходимостью, поскольку величанье Бояна соловьем было очень распространено среди современников «Слова о полку Игореве», и не требовалось особых пояснений, чтобы понять, кто же мог «растекаться по древу»; или это слово было утеряно кем-либо из переписчиков рукописи где-то в глубине четырех столетий, которые отделяли ее от подлинника.

Таким образом, Боян сравнивается здесь с тремя представителями животного мира, причем каждый из них действует в родной среде, где наиболее ярко и полно могли проявиться его основные свойства, с древности ставшие символами в литературе и фольклоре: соловей — непревзойденный певец, мастер неожиданных по красоте вариаций пения; волку свойственна быстрота и неутомимость бега; орлу — царю птиц — присуща высота и свобода полета. На этих символах и построил неизвестный автор «Слова о полку Игореве» метафорический образ, характеризующий творческую манеру «вещего» Бояна.

Кандидат филологических наук
В. Л. ВИНОГРАДОВА